

АГНОСТИЦИЗМ.

«Мы не можем качаться на веревке, прикрепленной к нашему поясу»

Уильям Эрнест Хоккинг (William Ernest Hocking).

Вопрос об агностицизме представляет собой большую значимость для любой теологической дискуссии, потому что агностицизм самодовольно сосуществует с широким кругом религий, а не допускает отдельную или противоположную теологическую позицию. Томас Генри Гексли (Thomas Henry Huxley), автор термина в 1869 году, четко указал, что:

«Агностицизм – это не вероисповедание, а метод, суть которого заключается в решительном применении единого принципа... Положительно: этот принцип может быть выражен и в вопросах разума, следовать своему соображению

так далеко, как оно может увести вас без каких-либо других размышлений. И отрицательно: в вопросах разума не делайте бесспорными те выводы, которые не продемонстрированы или не очевидны»^[1].

Само слово, как подразумевал Гексли, не определяет набор религиозных убеждений, а скорее требует рационального подхода ко всем знаниям, в том числе, заявленным религией. Слово «агностицизм», однако, с тех пор стало одним из наиболее неправильно используемых терминов в метафизике, получив широчайшую область применений.

В разное время этот термин применялся относительно ряда индивидов или подгрупп, весьма отличающихся по степени благочестия и искренности религиозных целей. На одной стороне находятся праведные искатели, которые до сих пор не встретили аргументированной истины в религиях их представления. Чаще всего, однако, религиозно немотивированные люди используют этот термин для оправдания личного интереса, пытаясь, таким образом, узаконить эскапизм от ответственности серьезного расследования религиозных свидетельств.

Современное определение термина «агностик», найденное в *Оксфордском Словаре современного английского языка*, не совсем соответствует объяснению этого термина Гексли; однако, оно представляет собой наиболее распространенное современное понимание и использование слова: агностик –

это «человек, который считает, что существование Бога не доказуемо». По этому определению, взгляд агностика на Бога можно по-разному применять к таким гипотетическим субъектам, как гравитация, энтропия, абсолютный ноль, черные дыры, умственная телепатия, головные боли, голод, половое влечение и душа человека – субъектам, которые нельзя увидеть глазами или подержать в руках, но которые, тем не менее, оказываются реальными и очевидными. Ясно, что невозможность увидеть или потрогать некоторые специфические вещи, не обязательно отрицает их существование. Верующие утверждают, что существование Бога – это одна из таких реальностей, в то время как агностик защищает право на такую веру, просто до тех пор, пока не предъявлено доказательство.

Кстати сказать, философия того, что ничто не может быть доказано *абсолютно*, по-видимому, происходит от Пиррона из Элиды, греческого придворного философа Александра Великого, общепризнанного «отца скептицизма». Хотя определенная степень скептицизма является нормальной и даже защищающей, крайняя позиция, принятая Пирроном, несколько противоречива. Почему? Потому что убежденный пирронист логически побуждает скептика скептицизма (т.е. нормально мыслящего человека) к вопросу: «Вы утверждаете, что ничего не может быть известно с определенностью... тогда, как вы можете быть так уверены?» Враги логики могут создать изрядное количество путаницы такой компиляцией парадокса и философского компоста. Одна большая опасность заключается в склонении к отказу от логики, в пользу решения по желанию. Другая опасность – погружение в умственную «акробатику», чтобы подавить здравый смысл.

Человечество должно осознать, что если возобладает здравый смысл, упрямые недоброжелатели будут выглядеть немного глупо, когда яблоко упадет им на голову слишком много раз. После этого, люди со здравым смыслом признают исчезающе малые уровни доверия (или Р-значения в области статистического анализа), чтобы начать надеяться на более крупные, более высокие и твердые яблоки, либо убедят теоретически недоверчивых пирронистов, либо просто удалят их из уравнения.

Так, руководствуясь здравым смыслом (и опытом), большинство людей признают любые теории наиболее обоснованными, доказаны ли они в широком понимании или нет. Следовательно, большинство людей признают теории гравитации, энтропию, абсолютный ноль, черные дыры, голод, и головную боль автора и быструю утомляемость глаз читателя – и действительно, они правы. Эти вещи имеют смысл. По мнению тех верующих, все человечество должно также признать существование Бога и человеческого Духа благодаря засвидетельствованным доказательствам многих чудес творения, поддержать реальность Творца по существу, где уровень доверия достигает бесконечности и Р-значение уменьшается до чего-то меньшего и более неясного, чем последняя цифра числа Пи.

Что касается изобретения Томасом Генри Гексли термина «агностик», он объяснял так, цитата:

«Все многообразие философского и теологического мнения было представлено там (в Метафизическом Обществе), и выражало себя в полной открытости; многие мои коллеги были *-истами* того или иного рода; и, какими бы добрыми и дружелюбными они ни были, я, человек без тряпки с меткой, которой можно прикрыться, не мог оказаться неимеющим некоторых тревожных чувств, которые должны были беспокоить лису, когда, после выхода из ловушки, в которой остался ее хвост, она представляла себя своим товарищам. Поэтому я придумался и изобрел то, что, как я полагал, будет соответствовать термину "агностик"»[2].

В соответствии с вышесказанным, лицам, которые отождествлялись с ярлыком «агностик» следует признать, что термин – это современное изобретение, которое возникло от одного кризиса самоопределения индивидуума в круге метафизиков. Тот, кто придумал этот термин, определяет себя как человек без ярлыков, сродни лисе без хвоста - оба имеют в виду самовосприятие определенной степени личной несостоятельности. Какую часть этой мужской гордости он оставил позади в пасти пружинной религиозной тайны? Достаточно очевидно, что Гексли, как и многие выдающиеся метафизики и теологи на протяжении всей истории, не смог найти догматический закуток для соответствия его концепции Бога.

Независимо от вышесказанного, даже если человек утверждал, что Гексли не сделал больше ничего, кроме как прикрепил ярлык к ранее неназванной, но древней теологии, вопрос из двух слов «и что?» прыгает по синапсам сознания снова. Присвоение ярлыков к теологии не означает признание объективным или, что еще более важно, значимым. Если есть значение для концепции, человек будет подозревать, что оно было озвучено ранее – например, 1800 лет назад и в учении такого пророка, как Иисус. Тем не менее, пророки, включая Иисуса Христа, казалось, имели очень разное послание, смысл которого был наградой за веру в *отсутствие* абсолютного доказательства, *несмотря на* неспособность видеть реальность Бога своими глазами.

Copyright © 2007 Лоренс Браун. Используется с разрешения автора.

Эта статья представляет собой выдержку из книги Лоренса Брауна (Dr. Brown) «*MisGod'ed*». Предположительно, она будет опубликована вместе со своим продолжением «*God'ed*». Обе книги можно найти на вебсайте доктора Брауна www.LevelTruth.com. Связаться с Др. Брауном можно здесь: BrownL38@yahoo.com

Примечания:

[1] Гексли. «Агностицизм». 1889.

[2] Huxley, T. H. *Collected Essays*. v. Agnosticism.

Часть 2 из 4: Разбор высказываний Гексли

«По Гексли, слово "агностик" был разработано как противоположное «гностику» из истории ранней церкви, и было предназначено противостоять не просто теизму и христианству, но и атеизму и пантеизму. Он хотел, чтобы слово покрыло мантией благоприличия не столько неведение о Боге, сколько твердое убеждение в том, что проблема Его существования является неразрешимой»^[1].

Бесхвостый лис ищет «мантию благоприличия»? Так, казалось бы, кто может винить его? Это было трудное и противоречивое время, учитывая окружающую обстановку, многие представители интеллигенции должны были быть несколько разочарованы и представляли себя не только без хвоста, но и без всей задней части туловища. В то время и в том

месте, где, как описывает Гексли, выбор, в практическом смысле, был христианством или ничем, кто-либо, кто размышлял над богословскими трудностями, был вынужден пересмотреть клятву членства любого из эксклюзивных христианских клубов. Изобретение термина «агностицизм», несомненно, было рождено от разочарования от ведения дел с теми, чьи учения легко могли быть дискредитированы умными мужчинами и женщинами, но в духовной пустоте, где приемлемая альтернатива еще не была представлена англоговорящему миру. Что мог делать человек, который верил в Бога, но не верил в религиозное убеждение о его или ее появлении? Побег был единственной альтернативой, именно это и сделал Гексли. Он ввел термин, который воплотил стародавнюю концепцию, который предоставил всем, кто заявлял о верности науке, путь эвакуации из перегретого, переполненного помещения религиозной дискуссии в частный кабинет личных убеждений.

Однако, несмотря на то, что термин предоставил общедоступный предохранительный клапан для тех, кто уклонялся от давления серьезной религиозной дискуссии во времена Гексли, возникает вопрос: «имеет ли термин значение в настоящее время?» Истина концепции остается, но вопрос заключается не в том, есть ли истина в концепции, а в том, есть ли ценность в истине. У опоры есть истина, но какова ее ценность? Очень небольшая, при нормальных обстоятельствах.

Так, с одной стороны, фактор «и что?» остается. Инкапсуляция стародавней концепции недоказуемого вопроса о Боге звучит так ясно и практично, но

изменила ли концепция недоказуемости чью-то веру в Бога? Человек может принять любую из бесчисленного множества систем веры/неверия, в то же время признавая, что истина Бога не может быть доказана. Однако такое признание не меняет глубину убеждения, которое каждый человек хранит в своем сердце и разуме.

Большинство людей знает об этом.

Несколько ревнителей считают, что они могут поддержать свою религию или существование Бога абсолютным и неопровержимым доказательством. Нарастающие противоречия, вызванные все более умными и хорошо информированными мирянами, наложили невероятное бремя доказательства конкретно на духовенство иудейской и христианской религий. Вопросы и противоречия, которые в предыдущие эпохи принесли бы обвинения в ереси в качестве практической меры для подавления мятежа, стали обычным явлением и заслуживают ответа. Тот факт, что церковь отвечает на такие запросы, неподвластен логике и человеческому опыту, это привело к тому, что духовенство, часто не имея других средств спасения, просто поворачивает противоречие против спрашивающего, в форме утверждения: «это тайна Бога, вы просто должны иметь веру». Собеседник может ответить: «но у меня есть вера – я верю, что Бог может открыть законы божии, которые ответят на все мои вопросы», только чтобы продолжить беседу, «ну, в таком случае, вы просто должны иметь *больше* веры». Иными словами, человек должен перестать задавать вопросы и должен быть удовлетворен этими ответами. Даже если это не имеет смысла, и даже когда фундаментальные Священные Писания учат другому.

Таким образом, за последние несколько веков иерархия многих иудео-христианских сект была отброшена назад дарованной свыше логикой против шаткого, сутулого, с трясущимися руками тела гностической идеологии, которая в начале (т.е. в период тех, кто знал лучше) истории христианства считалась беспощадной, в этом нет сомнения, еретической сектой. Сценарий является более чем странным; это как сказать: «Конечно, эта печь – модель прошлого года. Прототипы не работают. На самом деле, они взрывались и все те, кто использовал такие – сгорели, но мы везем их обратно в любом случае, потому что нам нужны деньги. Но мы обещаем вам, если вы верите – я имею в виду, действительно верите – тогда мы обещаем вам, все будет хорошо. И если она *взорвется* вам в лицо, не вините нас. Вы просто не достаточно верили». Печально то, что многие люди не только покупают такие печи, но и оставляют их для каждого из своих детей.

Вообще, духовенство полагало, что христианство основано на науке, пока образованным "мирянам" не стало известно больше. Долгие века им не позволялось иметь Библию, а уличенных в непослушании, бывало, карали смертью. Только с отменой этого закона, началом изготовления бумаги в Европе (14 век), изобретением печати (середина 15 века) и переводом Нового Завета на английский и немецкие языки Библия стала доступной простому образованному читателю. Тогда впервые мирянину представилась возможность ознакомиться,

проанализировать и критически оценить доктрину, составляющую основу писания. Когда подобный анализ сокрушил аргументы сторонников духовенства, случилась интересная вещь - многие христианские секты отвергли почти 2000-летнее убеждение, что доктрина должна строиться на науке, а вместо этого выдвинули идею о спасении через духовное руководство и оправдание верой. Особое внимание уделялось слепому, бездумному (а потому и безоговорочному) следованию.

Современные «духовные» оправдания, которые возникли из новой церкви, имитируют еретическую «таинственную исключительность» древних гностиков, поддакивающими знакомые тенденции, такие как: «вы просто не понимаете, у вас нет Святого Духа внутри, как есть у меня», или «вам просто нужно следовать вашему путеводному свету - мой выровнен, прямой как лазер и ксеноновый, но ваш мерцает и тусклый» или «Иисус не живет внутри вас, как живет внутри меня». Без сомнения, такие утверждения ссылаются на личное эго каждого оратора «не правда ли, я особенный», но если кто-то настаивает на вере в духовно эксклюзивные пути, то, без сомнения, другие будут настаивать на обсуждении разницы между иллюзией и реальностью. Т.Г. Гексли, без сомнения, был бы счастлив председательствовать на дискуссии.

Проблема в том, что, заявляя о таинственной исключительности в качестве ключа для руководства и/или спасения – означает утверждать, что Бог самовольно отказался от «спасения», а это едва ли богоподобный замысел. Разве не бесконечно ли больше смысла в том, чтобы Бог дал всему человечеству равные шансы, чтобы признать правду о Его учении? Тогда те, кто вносил на рассмотрение Его доказательства, заслужит награду, в то время как те, кто отрицает, заслужат порицания за неспособность дать подтверждение, веру и поклонения, когда было должно.

Но, к сожалению, природа заблуждения состоит в том, что те, кто редко заблуждается, способны признавать свои ошибки непонимания; природа гностиков схожа в том, что они, как правило, слишком влюблены в самоудовлетворяющую, эгоистичную философию, чтобы понять ложность их основы. И действительно, трудно поверить, что официант плюнул в суп, когда ресторан оценен в пять звезд, с утонченным сервисом, безупречной презентацией. Внешний вид и вкус может быть так хорош, что будет противоречить реальности. Но покровитель считает носителя истины беспокойным занудой, нежели искренним благодетелем, который собирается вычищать болезни из дома служителя.

Примечания:

[\[1\]](#) Meagher, Paul Kevin et al. Vol. 1, p. 77.

Часть 3 из 4: Плоды искаженных религий

Почему современные люди возвращаются к ереси (гностицизму), да еще и с официального разрешения многих религиозных институтов? Ничего удивительного. Просто никакая логическая защита нынешних иудаизма и христианства не выдерживает давления со стороны анализа библейского писания, поэтому эта «мистическая эксклюзивность» остается как бы последним защитным рвом перед замком доктринального статус-кво, который вот-вот будет разрушен. Христиано-иудейские секты уже начали испытывать огромный отток сторонников, а оставшиеся (по большей части) вынуждены «верить в агностицизм», т.е. по-прежнему верить в существование Бога и некие специфические доктрины, позволяющие приблизиться к Нему, но в то же время осознавая, что никакая вера не может быть объективно доказана.

Основу для концепции заложили Эммануил Кант в «Критике чистого разума», Уильям Гамильтон в «Философии безусловного» (1829) и Герберт Спенсер в «Принципах» (1862), а Томас Генри Гексли собрал эти мысли воедино и популяризовал.

Итак, имеет ли концепция агностицизма какую-либо ценность? Если вернуться к словам о скале, которая имеет ценность только для тех, кому она нужна, так и агностицизм нужен лишь тем, кто чувствует необходимость в теологической защитной системе. Те, кого устраивает подобная теология, заканчивают религиозные дискуссии опровержением рациональных аргументов с помощью агностического щита. Для многих других это просто скала, которая ничего не делает и ничего не меняет. Просто бессильная и самоочевидная глыба, занимающая метафизическое пространство.

В этом отношении изучение Ислама наводит на любопытную мысль. В Англии знание об Исламе стало доступным лишь после того, как в 1649 году Александр Росс представил на английском языке французский перевод Корана Андре дю Рие (Andre du Ryer). Эта первая попытка издать Коран на английском имела враждебное намерение, полнилась ошибками и была далека от объективной оценки религии. Как пишет переводчик в своем обращении к христианскому читателю:

«Когда столько сект и еретиков объединилось против истины (автор имеет в виду христианство), и Мухаммад собирается стать одним из них, мне кажется, что лучше показать их подлинное лицо, ибо видение врага в настоящем свете поможет подготовиться противостоять ему и, надеюсь, одержать над ним победу. Это сочинение вам покажется собранием грубых, противоречивых, богохульных, смехотворных речей и историй... Таковым представляю его вам, я приложил усилие только для его перевод с французского, и хотя это и есть тот яд, который отравил значительную, но наиболее несостоятельную часть Вселенной, он (яд) может стать для вас противоядием и поддержать христианский дух».

Предубеждение переводчика очевидно. Читателя вряд ли удивит перевод, полный ошибок, направленный оставить хоть какой-то положительный отпечаток в сознании западного человека. Джордж Сейл, будучи не столь впечатленным, вооружился фонариком и предпринял новую попытку перевода, попутно критикуя Росса:

«Английская версия – это ни что иное, как перевод Дю Рея, причем, очень плохой. А Александр Росс, совершенно не знакомый с арабским и совсем не искусно владеющий французским, добавил к ошибкам Дю Рея свои собственные. Не говоря уже о полной бессмыслице в его тексте, которая может даже очень хорошую книгу сделать нелепой»^[1].

Итак, только в 1734 году западный мир смог ознакомиться со смысловым переводом Корана, представленным Джорджем Сейлом более точно, но написанным с тем же недобрым намерением.

О взглядах Джорджа Сейла говорят несколько первых страниц его обращения к читателю:

«Они, должно быть, имеют плохое мнение о христианской религии или абсолютно в ней не разбираются... Однако, так или иначе, необходимо осведомить тех, кто приобрел ложное впечатление об оригинале после переводов, сделанных из невежества или несправедливых побуждений...».

А также:

«Протестанты в одиночку смогли бы успешно атаковать Коран. Для них, я верю, провидение предназначало его свержение».

Публикация перевода Джона М. Родвелла в 1861 году совпала с ростом интереса к востоковедению. Именно в этот период ознакомления западной Европы с Исламом Гексли и представил свою идею агностицизма.

Многие мусульмане здесь могут удивиться: поменял бы Гексли свое мнение, живи он в нашу «информационную» эпоху свободных путешествий с ее огромным космополитическим воздействием на людей, культуры и религии вкупе с точной и объективной информацией об Исламе? Интересная мысль. Какой бы выбор сделал человек, который некогда (как я уже цитировал выше) заявил, что «...если некая Высшая Сила согласилась бы заставлять меня думать о том, что правильно, и поступать правильным образом в том смысле, что она превратила бы меня в некое подобие часов, которые будут заводиться каждое утро еще до того, как я встану с кровати, то я буду весьма заинтересован таким предложением». Для такого человека канон Ислама мог бы стать не только привлекательным, но и весьма приемлемым.

Я начал эту главу с утверждения, что агностицизм сосуществует с большинством религий с признанными доктринами. И на этой основе доктринальных приверженцев можно разделить на несколько функциональных подкатегорий. Есть, например, ортодоксальные христиане, которые постигают существование Бога, чтобы тот стал в конце концов доказуем, или гностические христиане, которые постигают знание истины Божьей в целях стать духовной элитой, а также агностические христиане, которые продолжают верить в Бога, признавая невозможность доказать Его существование. Отличительная разница между этими подгруппами состоит не в наличии веры, а в попытках ее обоснования.

Кроме того, большинство религий могут быть подразделены на то, каким образом отдельные приверженцы пытаются оправдать веру в рамках доктрины. Однако, в конце концов, это разделение несет лишь академический интерес, т.к. вопросы о том, как и почему верить, влияют на наличие веры не больше, чем вопросы о том, меняется ли Бог и если да, то почему это происходит.

Copyright © 2007 Лоренс Браун. Используется с разрешения автора.

Эта статья представляет собой выдержку из книги Лоренса Брауна (Dr. Brown) «*MisGod'ed*». Предположительно, она будет опубликована вместе со своим продолжением «*God'ed*». Обе книги можно найти на вебсайте доктора Брауна www.LevelTruth.com. Связаться с Др. Брауном можно здесь: BrownL38@yahoo.com

Примечания:

¶ Джордж Сейл (Sale, George).

Давайте вернемся к Фрэнсису Бэкону, который однажды высказал такое мнение: «Они дурные мореплаватели, раз думают, что есть только море, и нет никакой земли». Верующие должны постоянно напоминать атеистам и агностикам о существовании Бога, видели они его или нет, нужен ли он им или нет, есть ли доказательства или нет. А самый главный аргумент – это то, что реальность, на которую они закрывают глаза, однажды раскроется неоспоримой истиной: грядет день, который для одних станет моментом радости, а для других – глубокого сожаления и ужаса.

Очень многим людям не нужно ждать Судного Дня, чтобы принять эту мысль, т.к. каждый, кто сталкивался в своей жизни с непреодолимыми испытаниями, непременно становился верующим. А кого еще, кроме Бога, люди интуитивно призывают к себе в такие отчаянные моменты? Да, не все выполняют данные обещания преданности, но факт остается фактом – обещание было дано. Оно лишь скатывается куда-то в сточные канавы памяти.

Можно ли как-то помочь такому притворщику? Вероятно, нет. Концепция познания Бога и жизни в искуплении грехов согласно Его заповедям действует только тогда (и до тех пор), когда удовлетворяет своей цели, пока человек демонстрирует свое желание подчиниться на условиях Бога. Взять, к примеру, жалкую молитву Августина Блаженного: «*Da mihi castitatem et continentiam, sed poli modo*» («Да ниспошлет мне Господь целомудрие и сдержанность, но не прямо сейчас!»). И это молитва святого, который, с одной стороны, молился Богу, а с другой, никак не мог завязать с борделями, в чем находил компромисс для своей сексуальной несдержанности. Сравните это с образцовыми жизнями учеников Иисуса, которые оставили свои гораздо более благородные занятия, когда были призваны следовать за Иисусом Христом. Эти люди оставили мирской труд, будь то ловля рыбы в целях прокормить себя или обязательства по захоронению мертвых, когда перед ними явилась истина, совершенно не выбирая для своего появления удобного времени. Религиозные люди, конечно, скажут: «Ничего себе! Это ребята моего поля-ягоды!» Однако важно понимать, что эти ребята именно Божьего «поля-ягоды».

Конечно, сейчас уже не те времена. Ныне пророки ходят по воде, лечат прокаженных и ведут за собой человечество лишь с исторической перспективы и в воображении людей. Тем не менее, многие люди все еще ищут Божью истину, а найдя, следуют за ней безо всякого промедления, независимо от жертвы, которая для этого потребуется. Но для начала они должны быть полностью уверены в этой истине.

Так и в чем же проблема? А вот в чем: информация никогда не была столь доступна, а также (по крайней мере, на первый взгляд) запутанна и религиозно обструктивна, чем сейчас. Появилось много людей, которые при помощи интеллектуальных инструментов пытаются выявить и искоренить противоречия и заблуждения в тех религиях, до которых могут дотянуться. Многие искатели истины отмечают, что им приходилось иметь некоторый опыт в дискредитации различных конфессий. Часть из них были такими пародийными культами, но в большинстве своем являлись сектами, которые заявляли, что базируются на

некоторых версиях Старого и Нового Завета, хотя на самом деле расходились с найденным в них сбалансированным и фундаментальным учением. Через какое-то время одна секта начинает походить на другие, содержа в себе лишь небольшие доктринальные отличия, но всегда – опираясь на сомнительный фундамент. Большинство этих сект развились до современных конгломератов «правды», «полуправды» (другими словами, «полулжи») и самого настоящего обмана. Но проблема в том, что мешать истину с враньем – это все равно, что мешать красоту с уродством. Это не будет работать. Любая отдельная религия либо полностью правдива, либо хотя бы частично обманчива, ведь Бог не совершает ошибок. Но если люди не могут поверить хотя бы одному элементу того, что предъявляется, как истина, как им узнать, какому учению можно верить? Более того, многим религиозным людям трудно принять мысль о том, что Бог оставил человечество, обрекая его на неправильное понимания Себя.

Эта проблема буквально кричит в забитые доктринами уши: человек может мешать правду и ложь, а затем продолжать думать, что все это имеет Божественную суть, не больше, чем мешать красоту и уродство, а затем пытаться с помощью этой смеси выиграть конкурс красоты. Стоит разместить одну единственную волосатую родинку (не ту, которая, делает человека еще красивей, а наоборот) прямо по середине чье-либо идеального лица, и что мы получим? Чистую, неподдельную «ангельскую» красоту? Ничего подобного. Конечным результатом станет обезображенное лицо.

Стоит разместить в религии, которая исходит от совершенного и безупречного Бога, даже самую мельчайшую ложь, и что мы получим? Много искренних приверженцев, например. И для тех, кто изъявляет желание придерживаться извращенной системы канонов, ее апологеты примеряют на себя костюм косметического хирурга. Они могут очень хорошо преуспеть в сглаживании неровных поверхностей священного писания путем доктринальной дермабразии, однако любой обладающий настоящей глубиной понимания истины поймет, что основополагающие гены останутся теми же. Следовательно, в то время как некоторые без труда распознают неудачные попытки насаждения абсурда, другие все же продолжают ему следовать.

Многие из тех, кто все же решается принять какую-то веру, приступает к этому с понурым лицом и опущенными плечами, в конце концов выбирая ту религию, которая подходит больше всего или, по крайней мере, не оскорбляет. Некоторые устраивают телепатическое коммюнике напрямую с Господом в том смысле, что делают все, что в их силах, а другие просто комфортно отдыхают на этих ненадежных выводах. Многие становятся агностиками в отношении всех доктринальных религий, опираясь лишь на внутреннюю, личную веру из-за отсутствия контакта с доктринальными убеждениями. Чистыми, последовательными и Благочестивыми.

Непринятие компромиссной веры в идеального и непогрешимого Бога в угоду «обоснованной» религии с шатким фундаментом и демонстративными доктринальными слабостями можно понять. И даже уважать. Спустя столетия противоестественного культурного смешения и десятилетия предвзятой

пропаганды, когда целые поколения отворачивались от семейных ценностей, многие жители Запада оказались духовно скованными. С одной стороны, мы видим концепцию постоянно искомой древней, чистой религии, которая неуловима для западного сознания, лишенной фальсификаций, разложения и, если вкратце, нечистоплотной руки религиозного инженера, склонного к ошибкам. С другой стороны, многие видят слишком явные недостатки в существующих религиях, основанных на писаниях, которые хорошо знакомы западному человеку: иудейских и христианских Библий. Некоторые могут так и остаться пойманными в ловушку, со всех сторон окруженные границами этой дилеммы. Другие же углубляются в библейские писания и признают, что Старый Завет предсказал пришествие Иоанна Крестителя, Иисуса Христа и еще одного оставшегося пророка точно так же, как Иисус предсказал появление пророка, который последует за самим собой. Того, кто принесет весть истины, которая наконец осветит сгустившуюся тьму.

Адвентисты Седьмого Дня, мормоны и множество других христианских сект утверждают, что основателю их веры удалось выполнить это пророчество с неким неуловимым ароматом, присущим именно их вере. Многие относятся скептически к таким заявлениям и продолжают искать. Именно для последних и была написана эта книга.

Copyright © 2007 Лоренс Браун. Используется с разрешения автора.

Эта статья представляет собой выдержку из книги Лоренса Брауна (Dr.Brown) «MisGod'ed». Предположительно, она будет опубликована вместе со своим продолжением «God'ed». Обе книги можно найти на вебсайте доктора Брауна www.LevelTruth.com. Связаться с Др. Брауном можно здесь: BrownL38@yahoo.com